

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Возвращение Николая Гана

ИХ БЫЛО трое в одной лодке — неразлучных друзей, отправившихся в музыкальное плавание в начале тридцатых годов: Василий Соловьев (принявший псевдоним Седой), Иван Держинский и Николай Ган. Они обучались в музыкальном техникуме, потом в Консерватории и поначалу обращали на себя внимание не столько творчеством, сколько участием в «капустниках», равнодушием к академической успеваемости, неумением жить-любием и состязаниями в остроумии.

Беспорядочные Соловьев-Седой и Держинский находили ласку и помощь в семье видного ленинградского инженера Карла Карловича Гана — племянника великого немецкого физика Отто Гана. Предки Карла Гана, переселившись из Германии в Россию, принесли сюда свою культуру, трудолюбие. У Ганов Соловьев-Седой и Держинский приобщались к интеллигентности, интеллектуализму, образованности, смелости мышления.

Творческие судьбы трех друзей оказались совсем разными. И. Держинский выплеснул свой талант в двух первых операх, стал жертвой благоволения И. В. Сталина и сенсационного кратковременного успеха. Импульсивный В. Соловьев-Седой с военной поры обрел мощный, великий песенный голос.

Николай Ган пошел своим путем. Трудным, плохо вписывавшимся в сложное время. Он посвятил себя главным обра-

зом: камерному, инструментальному творчеству, непопулярному, неактуальному, невыгодному в годы, когда воспитывали на плакатной монументальности. К концу тридцатых годов он все же достиг успеха, прежде всего в фортепианной музыке, к которой его особенно влекло. Его фортепианные пьесы играли выдающиеся пианисты Владимир Софроницкий, Павел Серебряков, Татьяна Рябова, Григорий Бузе, Александр Геронимус. Его Юмореска сразу вошла в золотой фонд советской фортепианной литературы и доньше часто звучит. Дорога была обрвана насильственно. Арестовали и заточили в далекий лагерь отца Н. Гана — Карла Карловича, строителя «Электросилы». Вскоре отец погиб.

Блокаду Николай Ган провел в Ленинграде. Получил премию за Марш для духового оркестра. Он не скрывал своего немецкого происхождения, хотя мог бы скрывать, ибо мать его была полурусской-полужидкой. В 1942 году его, умиравшего от голода, не эвакуировали, как других, его выслали из Ленинграда, запретив

жить во многих городах. Он скитался, возвращался в Ленинград нелегально. Его выдворяли. Он снова приезжал и снова высылался, пока на помощь не пришел Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Сохранилось его письмо начальнику Управления МВД Ленинграда, оказавшееся бесполезным. И тогда Шостакович обратился к В. М. Молотову и добился, чтобы Николаю Гану и его несчастной матери, с которой он жил и о которой нежно заботился, разрешили прописку в Ленинграде.

Ган продолжил работу. И вот что поразительно. Печать подавления не отразилась на его творчестве. Интеллигент по рождению, воспитанию, чем-то похожий на героя романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», он сохранил внутреннюю независимость, остался в музыке оптимистом. Даже в поздней Симфонии, суммирующей прожитое и пережитое. Внутренний душевный свет победил все.

Необычной оказалась творческая эволюция композитора: высшие ее точки пришлись не на первые полвека жизни, как

обычно бывает, а на недавнее десятилетие, на восьмидесятые годы, когда созданы поэтичные Четвертая скрипичная, Виолончельная сонаты, многие романсы, когда расширился жанровый спектр: Первую симфонию Ган сочинил в 78 лет, и это замечательное сочинение вскоре будет исполнено.

Музыка Гана обрела талантливых исполнителей — единомышленников, сходных с ним в бескорыстной отдаче искусству: Виолончельную сонату играют Олег Столинер и Наталья Арзуманова, Скрипичную — Марк Комиссаров и Маргарита Молчадская, Кларнетное концертно — Анатолий Брик и Татьяна Чорэф, романсы поет замечательный тенор Театра имени С. М. Кирова Александр Дедик.

Мы устали от ажиотажа, погоны за оригинальностью, изурядительного соревнования званий, титулов, премий. Нынешнее время возвращает музыку к внутренней свободе и достоинству.

Вот почему такой большой интерес вызвал концерт Н. К. Гана (к 80-летию со дня рождения) в Ленинградском доме композиторов, так много пришло и его коллег, в том числе молодых, и любителей искусства. Это было торжество стойкого служения музыке.

Вчера в Большом зале Филармонии снова звучала музыка композитора.

С. ХЕНТОВА,
профессор Ленинградской консерватории, доктор искусствоведения